

Чжао Чуньпин гналась за Хань Дуем целых два переулка, пока силы окончательно не покинули её. Сдавшись, она присмотрела ровное местечко почище, плюхнулась прямо на землю и, обхватив руками ноги, завела заунывный, ритмичный плач, то взывая, то причитая на распев.

Вокруг мгновенно собралась толпа любопытных односельчан. Кто-то пытался её утешить, кто-то расспрашивал о случившемся, но большинство просто глазели на бесплатное представление. Кое-кто даже прихватил с собой тыквенные семечки и щёлкал их прямо во время «спектакля».

Чэнь Юэсян боялась, что свекровь подмочит репутацию сына, а потому обустроила собственный «опорный пункт» в пятидесяти метрах от неё. Усевшись на землю, она принялась причитать на всю улицу:

— Тяжко жить на свете, бабоньки! Женщине тяжело, а мачехе — и подавно в сто крат хуже! Видно, в прошлой жизни я всю семью чью-то вырезала, раз в этой мне такая доля досталась. Кому излить мою горькую обиду? Сыночек мой, Сяо Жуй, глупый он ещё, жалостливый... Сердце у него кровью обливается, как видит, что старшую сестру в пекло толкают. Вот и упёрся, не даёт совершить этот обмен невестами. Да только не подумал, дурачок, разве его кто послушает? Разве есть у него власть? Какое у нас, у матери с детьми, в этом доме положение? Да никакого! Зажали нас со всех сторон, слова лишнего сказать не смеем, пикнуть боимся...

Пока Чэнь Юэсян завывала, Хань Мэй, сообразив, что вся эта каша заварилась исключительно из-за неё, преисполнилась стыда и горя и тоже залилась слезами.

Хань Чжу, глядя на ревуших мать и старшую сестру, сочла, что оставаться в стороне просто неприлично, и тоже захлюпала носом.

— Мама, не плачь, — сквозь слёзы проговорила она. — Я же знаю, как тебе тяжело.

Свекровь и невестка устроили в самом центре деревни настоящее соперничество за внимание публики. Собравшиеся зеваки так и сновали туда-сюда, боясь пропустить хоть одну смачную деталь этого двойного представления.

Пока на улицах разыгрывалась драма, Хань Дуй преспокойно бродил по полям за околлицей. Урожай давно собрали, озимые ещё не взошли, так что земля лежала голой и беззащитной. Придорожный бурьян пожелтел и высох, и порывы промозглого ветра приносили с собой тоскливую, серую прохладу, напоминавшую о неизбежном увядании природы. Глядя на этот унылый пейзаж, Хань Дуй невольно вспомнил классическую строчку: «Издревле повелось грустить осеннею порой...»

Шагая по узкой меже, Хань Дуй сосредоточенно размышлял о том, как теперь выпутываться из этой истории.

Из задумчивости его вывел чей-то тихий голос:

— Сяо Жуй.

Хань Дуй остановился и оглянулся. Посреди увядшей травы, поднимавшейся ему по пояс, стоял бледнолицый юноша в очках в чёрной роговой оправе и мягко улыбался.

Хань Дуй лихорадочно перебирал воспоминания. Этого парня звали Лю Фэнцю, они вместе учились в начальной школе.

«Какое символичное имя — Фэнцю, "Встречающий осень". И как раз посреди увядающих полей... Идеальное совпадение.»

Заметив его замешательство, Лю Фэнцю виновато и слегка грустно усмехнулся:

— Я окликнул тебя, только когда убедился, что поблизости никого нет.

Хань Дуй тут же вспомнил: у семьи Лю Фэнцю было «неблагонадёжное» классовое происхождение. Несколько лет назад его отца даже подвергли публичной критике на собрании. В последнее время политическая буря поутихла, но жизнь их семьи по-прежнему оставалась несладкой. Фэнцю всегда учился блестяще, но из-за «плохой анкеты» коммуна отказалась давать ему направление в старшую школу. Односельчане старались держаться от изгоев подальше. А ведь в детстве они с Хань Дуйем были не разлей вода. Но стоило начаться очередной политической кампании, как Фэнцю сам, сознательно, отдалился от прежних приятелей, чтобы не навлекать на них беду. Так их дружба и сошла на нет, и последние годы они почти не общались.

Хань Дуй понял, что его минутная заминка ранила старого друга.

«До чего же он чувствительный... Впрочем, с его судьбой и вечным страхом перед доносами иначе и быть не могло.»

Чтобы поскорее загладить неловкость, он тепло улыбнулся:

— Что ты, даже не думай! Я просто ушёл в свои мысли, а тут ты так неожиданно появился. Вот я и завис на секунду.

Несмотря на долгие годы отчуждения, слухи в деревне разлетались быстро, и Лю Фэнцю краем уха слышал о неурядицах в семействе Хань.

— Переживаешь из-за сестры и той фабричной вакансии? — осторожно спросил он.

Хань Дуй тяжело вздохнул:

— Да, в основном из-за неё. Я всю душу вымотал, пока убедил мать не отдавать сестру замуж по обмену. Та, в свою очередь, с трудом уломала отца. Казалось бы, дело в шляпе, но тут упёрлась бабка. Ни в какую не соглашается! Прибежала к нам, устроила форменный разнос, вот мне и пришлось уносить ноги от греха подальше.

Лю Фэнцю поправил очки и рассудительно заметил:

— Да уж, задачка не из лёгких. Против тебя и дед с бабкой, и отец, и старший брат. Одному такое ярмо не вывезти. Послушай... а ты не думал обратиться в Федерацию женщин?

Хань Дуй так и застыл, а в следующий миг его лицо просияло:

— Точно! Голова моя садовая, совсем забыл, что у нас ведь есть Федерация женщин! Кому, как не им, защищать права тружениц?

«Вот уж действительно: столкнулся с трудностями — ищи поддержки у организации!»

— Только к нашей местной, бригадной уполномоченной соваться без толку, — добавил Лю Фэнцю. — От неё дела не дождёшься. Иди сразу в коммуну, к директору Ян из Федерации женщин. Она баба строгая, мимо такого произвола точно не пройдёт.

Местная активистка, Ван Мэйюнь, приходилась невесткой старосте Ли Маньфу, так что на своей должности сидела исключительно для галочки.

Хань Дуй с интересом присмотрелся к приятелю.

«А парень-то не промах. Умный, деликатный, зрит в самый корень. К тому же мы с ним дружили с малых лет. Грех упускать такого ценного союзника, надо срочно латать нашу треснувшую лодку дружбы.»

Он решил во что бы то ни стало наладить былые отношения. Хань Дуй увлёк его за собой, заведя непринуждённый разговор обо всём на свете. Поначалу Лю Фэнцю робел и удивлялся такому напору, но вскоре оттаял и лишь тихо вздыхал от нахлынувших чувств. Как-никак, детство у них было общим, да и страсть к чтению объединяла обоих, так что тем для бесед нашлось предостаточно. Слово за слово, благодаря мягкой настойчивости Хань Дуя, замкнутый юноша приоткрыл дверцу в свой внутренний мир.

Выяснив, что Фэнцю пришёл в поле за хворостом и сухой травой для растопки, Хань Дуй решил помочь — всё равно заняться было нечем. Друзья принялись за работу, весело переговариваясь. Всего за полчаса они соорудили две внушительные вязанки.

Вскинув на плечи по вязанке, они зашагали обратно к деревне. Дотащив ношу до самых ворот семьи Лю, Хань Дуй уже собирался прощаться, но Фэнцю, внимательно следивший за каждым его жестом, робко спросил:

— Зайдёшь передохнуть?

Вообще-то Хань Дуй намеревался сразу пойти домой, но, помня о ранимости товарища, побоялся, что тот истолкует отказ как нежелание мараться о «неблагонадёжного».

— С удовольствием, — бодро отозвался он. — А то в горле совсем пересохло, с радостью выпью чашку воды.

Губ Лю Фэнцю коснулась едва заметная, благодарная улыбка. Он сбросил вязанку на землю и достал из кармана ключ. Хань Дуй переступил порог и мысленно отметил, до чего же здесь уютно: посреди двора росли аккуратные персиковое и грушевое деревца, а у самой стены пышно разросся куст китайских роз.

За неспешной беседой они прошли в дом. Обстановка в главной комнате была более чем скромной, но идеальная чистота и порядок создавали ощущение покоя.

Хозяин заварил чай из недорогих чайных высевок. Осушив по большой пиале ароматного напитка, Хань Дуй скользнул взглядом по скромному книжному стеллажу и полюбопытствовал:

— А у тебя, кроме школьных учебников, почитать что-нибудь найдётся?

Лю Фэнцю мгновенно насторожился и ответил с предельной осторожностью:

— Только учебники за средние классы да пара одолженных книг по программе старшей школы. Ну и, разумеется, труды Председателя. А прочее — реакционная буржуазная крамола, я к таким вещам и близко не подхожу.

Хань Дуй мысленно вздохнул, сочувствуя его запуганности.

«Бедняга, до смерти зашугали парня...»

Вслух же он бодро заверил:

— Вот и правильно! Нам, образцовой социалистической молодёжи, негоже всякую идейную отраву в руки брать. Но знаешь, у меня дома завалилось несколько отличных книг — настоящая духовная пища для строителей нового общества. Обязательно захвачу их в следующий раз.

Услышав о «следующем разе», Лю Фэнцю просиял от радости и закивал:

— Договорились. Будем учиться плечом к плечу и вместе ковать светлое будущее.

Погостив ещё немного, Хань Дуй засобирався домой — буря в родных пенатах к этому времени уже должна была утихнуть. Лю Фэнцю проводил его до калитки и долго смотрел вслед уходящему другу.

Когда Хань Дуй проходил мимо дома своего старшего дяди, Хань Дачжуна, у ворот показалась его тётушка Ду Хунли.

— Сяо Жуй! Домой пробираешься? — прищурившись, елевым голосом окликнула она племянника.

Хань Дуй вежливо поздоровался. Тётушка явно изнывала от любопытства и жаждала посплетничать:

— Сяо Жуй, а чего это твоя бабка спозаранку к вам прибежала? Что стряслось-то?

Юноша замялся, изобразив на лице крайнее смущение, словно не решаясь вымолвить ни слова.

На самом деле Ду Хунли уже растрезвонили все подробности утренней свары, но её распирало желание выведать пикантные детали из первых уст. И чем сильнее племянник уклонялся от ответа, тем сильнее разгоралось её любопытство.

Ради свежих сплетен она решила на неслыханную щедрость. Юркнув в дом, тётушка вынесла пышную белую паровую булочку и насильно впихнула её в руку парня:

— Держи, малец! Только утром из пароварки достала, угощайся.

Хань Дуй порылся в памяти и мысленно содрогнулся от изумления.

«Ничего себе! Да моя тётушка — известная на всю округу скряга! Про таких говорят: из неё и ржавого гвоздя не выпросишь, а тут — целая белая булка! Видно, жажда сплетен совсем ей разум затмила.»

Он уставился на лоснящийся бок булочки, которая в этот миг показалась ему просто огромной.

Бережно спрятав угощение в карман, Хань Дуй проникновенно произнёс:

— Тётушка, какая же вы добрая и щедрая! Да и какая вы мне чужая? Свои же люди, скрывать нечего, так что расскажу всё как на духу.

И он во всех красках, с картинными жестами и завываниями в нужных местах описал утренний визит бабки Чжао Чуньпин.

Ду Хунли слушала, затаив дыхание. Хоть она и знала общие черты, подробный рассказ о том, как несносную старуху прижали к ногтю её же собственными доводами, доставил ей ни с чем не сравнимое удовольствие.

«Так её, старую ведьму! — злорадствовала Ду Хунли. — Нашла коса на камень! Поделом тебе, будешь знать, как совать свой нос куда не просят.»

Было очевидно: тётушка не пожалела деликатеса лишь потому, что племянник знатно поквитался с её извечным врагом — свекровью. А враг моего врага, как известно, мой лучший союзник. Но Хань Дуй не собирался ограничиваться одной булкой. В его голове уже зрел план, как использовать вздорный нрав тётки в своих интересах.

Понизив голос, он доверительно продолжил:

— Тётушка, вы же знаете, я парень начитанный, законы приличия блюду и старших уважать умею. Но бабка перешла все границы! Ладно бы она просто Мэйцзы в пекло толкала, так она ведь всю нашу семью, весь род Хань в выгребную яму тащит!

Ду Хунли наострила уши:

— Ну, про девуку-то понятно — замуж за калеку идти неохота. А про всю родню ты к чему загнул?

Хань Дуй глубокомысленно вздохнул и принялся раскладывать всё по полочкам:

— Тётушка, вы у нас женщина мудрая, понимающая. Сами посудите: как в народе относятся к тем, кто невестками меняется? Разве их не презирают тайком?

— Да чего уж греха таить, уважения к им мало, — согласилась тётя. — Но это всяко лучше, чем бобылём век куковать. У твоего старшего брата Ганцзы положение безвыходное, тут уж не до гордости.

— Ошибаетесь, тётушка, — покачал головой Хань Дуй. — Да лучше уж бобылём остаться! Я ведь почему костями ложусь? Не только из жалости к сестре. Я о чести всего нашего рода пекусь! Мои школьные товарищи, как про этот обмен прослышали, прямо в лицо мне рассмеялись. Сказали, мол, до чего же нищее семейство Хань, раз парню бабу без обмена найти не могут! Да ещё и обозвали нас тёмными элементами с отсталым феодальным

сознанием. Мол, девок за скот держим. Да после такого позора ни одна приличная семья с нами и знаться не захочет!

Ду Хунли нахмурилась, но всё ещё сомневалась:

— Да ну, неужто всё так серьёзно? В деревне спокон веков менялись, и ничего, живут как-то люди.

— Тётушка, да разве можно равнять нас с какими-то захудалыми дворами? — Хань Дуй перешёл на вкрадчивый шёпот. — Вы с дядей Дачжуном — уважаемые люди, пример для всей округи. Хозяйство у вас крепкое, сытое, вон какими булками белыми лакомитесь! А мой третий дядя? Он ведь в самом городе устроился, уважаемый человек! Нам все завидовали. Мы, младшее поколение, вполне могли бы вслед за дядей в город податься да невест с государственной работой и пропиской найти. А теперь что? Из-за этой глупой бабкиной затеи на нашей репутации жирный крест поставят. Ложка дегтя испортит всю бочку мёда! Какие уж тут городские барышни, нам теперь и деревенские бесприданницы откажут. Мы ведь одна семья, тётушка, и пятно ляжет на всех без исключения. Разве я не прав?

Оставив изрядно озадаченную тётку переваривать услышанное, Хань Дуй похлопал по карману с заветной булочкой и зашагал к своему дому.

Во дворе у бабули уже и след простыл. Хань Дуй с облегчением выдохнул.

Старшая сестра Мэйцзы и мать устроились под навесом и неторопливо перебирали овощи. Завидев Хань Дуя, сестра ласково улыбнулась, а вот Чэнь Юэсян демонстративно насупилась:

— Явился, егоза! Только и горазд матери седые волосы прибавлять!

Хань Дуй подскочил к ней и с шутовским поклоном протянул на ладонях белую булку:

— Матушка, смените гнев на милость! Вот, примите скромную дань в знак примирения.

Чэнь Юэсян так и застыла с пучком зелени в руках.

— Батюшки, это откуда у тебя такое богатство? Неужто в уезд бегал?

— Да нет, — ухмыльнулся сын. — Тётушка Ду Хунли самолично одарила.

Мать с сестрой переглянулись в немом изумлении.

Чэнь Юэсян даже задрала голову к небу, проверяя, где висит светило, и ошарашенно пробормотала:

— Чудеса да и только... Неужто солнце сегодня на западе возшло? С чего бы этой прижимистой твари вдруг невиданную щедрость проявлять?

<http://bllate.org/book/19655/1950839>